

ОТЗЫВ

официального оппонента Филина Никиты Александровича на диссертацию Ахмедова Владимира Муртузовича «Взаимодействие арабских стран и Ирана в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке (конец XX – первая четверть XXI вв.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.7. – «История международных отношений и внешней политики».

Диссертационная работа В.М. Ахмедова, вне всякого сомнения, является чрезвычайно актуальной, учитывая тектонические потрясения, которые произошли на Ближнем Востоке после Арабской весны и продолжают происходить и сейчас. Вначале регион охватили многомиллионные революции, многие из которых переросли в гражданские войны и буквально о разрушили до основания соответствующие страны. В ходе этих гражданских войн ярчайшим образом проявилось арабо-иранское соперничество за эти страны – особенно в Сирии и Йемене, где Иран и арабские монархии поддерживали враждебные силы и движения. Так как Иран, по большей части, опирался на шиитские и близкие к ним правительства и движения, а арабские монархии – на единоверные суннитские движения, то арабо-иранское соперничество неизбежно приобрело черты острой межконфессиональной вражды. Правда, в Ираке была особая ситуация: в нём влияние Ирана было настолько мощным, что международная антитеррористическая коалиция, в состав которой, помимо западных стран, входили многие прозападные арабские государства и те же самые монархии, и которая бомбила радикальные террористические организации, была вынуждена на земле опираться на дружественную Ирану иракскую правительственную армию и на иракские шиитские отряды «Силы народной мобилизации», подчинявшиеся напрямую Тегерану. Поэтому в Ираке прямого столкновения Ирана и соперничающих с ним арабских стран просто не могло быть, но в нем всё равно, как отражение общерегиональной напряженности, имел место острый

межконфессиональный конфликт некоторой части иранских суннитов, примкнувшей к террористическим группировкам, с иракскими шиитами.

После решительных побед сирийской правительственной армии с помощью России в воздухе и Ирана на земле (освобождение Алеппо и других важных городов), арабские монархии постепенно прекратили свою вражду с Башаром Асадом и вновь включили Сирию в ЛАГ, что привело к сближению этих арабских стран также с Ираном. В этой связи, можно полностью согласиться с утверждением автора, что «сирийские события (2011 г.) вызвали кризис в межарабских отношениях и привели к укреплению иранских позиций в ряде арабских стран Ближнего Востока» (с. 4). Однако в 2024 г. в региональную ситуацию вмешался Израиль, а позднее США, что вынудило Иран в рамках самозащиты атаковать не только Израиль, но и американские базы и другие объекты, связанные с США, на территории американских союзников, то есть, тех же самых арабских монархий. Это повернуло вспять достигнутые результаты по арабо-иранскому сближению и вновь привело к усилению взаимного недоверия.

Автор достаточно полно раскрывает степень разработанности проблемы и грамотно выделяет её пробелы, например, нераскрытие соотношения глобальных и региональных измерений и редкое присутствие комплексных исследований.

Объект и предмет исследования определены корректно: они соответствуют заявленной теме и проблематике работы. Так, автор в качестве объекта рассматривает арабо-иранские отношения и трансформационные процессы в системе международных отношений и безопасности. Предметом исследования при этом выступают особенности реализации современного внешнеполитического курса арабских государств и Ирана, в том числе в контексте тех военно-политических и идейно-ценностных механизмов, которые используются руководством этих стран.

Хронологические рамки (1979–2025 годы) выглядят полностью обоснованными и охватывают период, когда Иран радикально изменил свой

внешнеполитический курс и превратился из страны, которая, в целом, следовала в фарватере политики США в регионе, в государство, руководствующееся только своими национальными интересами и ведущее по-настоящему независимую политику. Эти перемены не могли не сказаться на отношениях Ирана с арабскими странами, в особенности с монархиями, зависимыми от США. Арабо-иранские противоречия достигли пика после начала Арабской весны, с 2021 г. значительно снизились, но после 2024 г. вновь начали постепенно обостряться.

Что касается методологии, то используемые в работе подходы и методы (принцип историзма, принцип реализма, системный подход, комплексный междисциплинарный подход, в сочетании с элементами историко-сравнительного метода и конструктивистского подхода) представляются полностью оправданными и помогли автору решить обозначенные во введении задачи.

Научная новизна диссертационного исследования аргументирована и хорошо обоснована. Можно особенно отметить, что автором выработана уникальная объяснительная модель арабо-иранских отношений. Также автор заполнил много пробелов, оставленных предыдущими исследователями по данной теме. Особенно в том смысле, что он постарался посмотреть на арабо-иранские отношения не только с официальной позиции Ирана, а именно такой взгляд доминирует ныне в российской историографии, – но и с позиции ключевых арабских стран и арабского общественного мнения, уделив большое внимание тем факторам и аспектам иранской политики, которые вызывали беспокойство в арабских столицах и которые малоизвестны российскому читателю. Сам автор при этом остается нейтральным и старается не занимать ничью точку зрения, что позволяет ему на основе документов, заявлений и материалов прессы дать исчерпывающее представление как об иранской, так и об арабской позиции по наиболее актуальным вопросам взаимоотношений в регионе. Очень важным представляется то, что автор также постарался осмыслить, как теоретически объяснить обрушившиеся на регион социальные

потрясения, которые привели к колоссальному ущербу, к гибели нескольких миллионов человек, перемещении десятков миллионов, к разрушению целых городов, множества промышленных предприятий, а также к деградации социальной сферы. Он попробовал переработать устоявшиеся теоретические представления о модернизации государств и обществ, учитывая произошедшую социально-экономическую катастрофу во множестве стран региона. Отдельно стоит подчеркнуть, что автор научно доказал роль Российской Федерации на Ближнем Востоке как уникального стабилизирующего фактора в ключевых вопросах военной и энергетической безопасности, политике и экономике региона.

Диссертационное исследование отличается также очень богатая источниковая база. Она делится на множество видов: официальные документы и материалы, монографии, научные статьи, новостные сайты и др. Также нужно указать на разнообразие языков, на которых написана использованная в работе литература и источники: помимо русского, это также арабский, фарси, английский, французский. Автор учел все основные работы отечественных востоковедов, которые рассматривали арабо-иранские отношения, внешнюю политику Ирана и арабских стран, и в целом особенности политической ситуации в регионе, а также многие работы западных, арабских и иранских специалистов по теме диссертации. Отдельно стоит отметить, что исследование вводит в оборот неопубликованные и неизвестные в отечественном востоковедении документы, мемуары, интервью. Все эти источники, монографии и статьи помогли автору иллюстрировать динамику процесса развития арабо-иранских отношений глазами как иранцев, так и арабов, подробно и с разных сторон проанализировать сирийский вопрос как вызвавший наиболее острые разногласия в регионе между Ираном и арабскими странами, а также рассмотреть как основные камни преткновения и конфликтные узлы, так и общие точки соприкосновения.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что ее выводы и результаты можно использовать при подготовке лекционных курсов по истории Ирана, арабских стран, ближневосточного региона, а также и при формировании внешнеполитической линии России на Ближнем Востоке, чтобы как можно более успешно выстраивать российскую политику с учетом множества чувствительных проблем и противоречий в регионе. В этом плане особенно важен многолетний опыт работы автора в странах Востока, что позволило ему подойти к рассматриваемым проблемам не с позиции стороннего наблюдателя, а с позиции исследователя, отлично знакомого не только с научной литературой и документами по теме диссертационного исследования, но также и с менталитетом, внутренними процессами, образом мышления политиков, офицеров, интеллигенции и духовенства в этих странах. Впечатляет тот факт, что основное содержание данной диссертации раскрыто в целом ряде научных работ автора, в том числе в 10 монографиях.

Структура работы логична и обусловлена поставленными в ней задачами. Работа состоит из введения, 7 глав, заключения, списка источников и литературы.

Среди очевидных достоинств работы нужно выделить достаточно смелое обращение автора к некоторым очень сложным и малоизвестным аспектам арабо-иранских отношений. Он успешно рассматривает эти сложные вопросы на базе имеющегося у него огромного багажа знаний, документов и интервью. Так, автор смог сделать подробный разбор особенностей взаимоотношений Ирана с шиитскими милиционными формированиями в Сирии. Он смог показать, что среди них есть не только прямые «прокси», но и равноправные союзники, а также «младшие партнеры», и более самостоятельные милиции-«попутчики» и «боевые соратники».

В качестве других тем, не известных даже подавляющему большинству востоковедов, но глубоко рассмотренных автором, нужно указать также на «войну» разведок и диверсионных подразделений Ирана и Израиля на рубеже 2021-2022 годов, которая, как показывает автор, вышла далеко за пределы

Сирии – основного «фронта» их противостояния – и охватила также территорию Ирака, Аравийского полуострова, Турции, Азербайджана.

Неожиданный, но весьма правдоподобный вывод автора заключается также в том, что наблюдалась разочарованность Москвы и Тегерана политикой президента Башара Асада, который своими действиями фактически обнулял их успехи по его спасению и утверждению их влияния в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Этот вывод подтверждает и стремительное бегство армии Асада перед боевиками, обладавшими гораздо менее значительными запасами тяжелого вооружения и военной техники: сирийский президент оказался не в состоянии эффективно организовать сопротивление, что свело на нет результаты многолетней российско-иранской борьбы по укреплению его власти.

Очень точным представляется замечание автора на с. 62: «В условиях резкого обострения конфессиональных противоречий регион вплотную столкнулся с опасностью раскола по конфессиональным и этническим линиям. Гибридные войны и конфликты низкой интенсивности могли принять характер религиозных войн эпохи Средневековья, но с использованием современных вооружений и новых информационных технологий». Именно этим – средневековая ненависть плюс современное разрушительное оружие – и обусловлено то обстоятельство, что объем разрушений в нынешних ближневосточных войнах стал таким колоссальным, что опустели целые города и регионы: дома в них были разрушены, иногда буквально сравнены с землей, а население либо погибло, либо покинуло их.

Несмотря на множество достоинств, работа, к сожалению, не свободна от некоторых недостатков. Вначале хотелось бы отметить орфографические ошибки и опечатки.

Вместо «чикле» должно быть «числе» (с. 4), вместо «конъектурой» должно быть «конъюнктурой» (с. 49), то же самое – на с. 50 («конъектуры»), вместо «созданные на подобиі народных дружин» должно быть «созданные наподобие народных дружин» (с. 57), вместо «институанализции» должно

быть «институционализации» (с. 84), вместо «канотациями» должно быть «коннотациями» (с. 92), вместо «порт Домбай (Индия)» должно быть «порт Бомбей (Индия)» – с. 296, и др. Вместо «визит аль-судани» должно быть «визит ас-Судани» (речь идет о фамилии бывшего иракского премьер-министра) (с. 345). Вместо «Египетские» должно быть «Египетские» (с. 345). Вместо «Терегран» должно быть «Тегеран» (с. 353). Вместо «Секреты встречи а Гази Антаб» должно быть «Секреты встречи в Газиантэпе» (речь идет о турецком городе у границы с Сирией, который по-арабски действительно называется Гази Антаб, но на российских географических картах обозначается как Газиантеп) (с. 354). Вместо «Азребайджан» должно быть «Азербайджан» (с. 355). Вместо «Несуществующие меньшинства Сирии» более корректным был бы перевод «Меньшинства в Сирии не существуют» (с. 358). Зачастую, не совсем правильно транслитерированы заголовки персидских источников на с. 358–362. Так, например, вместо «Сорайя» должно быть «Сурийе» (Сирия). А транслитерация названия иранской научной статьи, вместо «Усуль-сиясат-хариджий-джамхурие-иран-исламий-мабнаи-унван-бихи-динийю» должна выглядеть так: «Мабани-йе дини-йе осул-е сиясат-э хареджи-йе джомхури-йе эслами-йе Иран».

Теперь можно перейти к более существенным замечаниям.

1. На с. 52–53 автор правильно отмечает, что «на рубеже столетий, светский облик арабского офицера изрядно изменился, что привело к усилению роли религии в армии», однако недостаточно подробно поясняет, почему произошла эта трансформация и в результате каких именно факторов значительно увеличилась религиозность арабских военных. Приведенные им факторы поражения светских националистов в войне с Израилем и влияния исламской революции в Иране хоть и являются значимыми, но не объясняют полностью рост религиозности в арабской армии. Возможно, были какие-то важные внутренние факторы, не отмеченные в работе.

2. В работе недостаточно сказано о влиянии быстрого демографического роста на революционную дестабилизацию на Ближнем Востоке. Например, в

статье А.В. Коротаева и Ю.В. Зинькиной «Демографические корни Египетской революции» указано, что основной причиной революционных потрясений стала очень большая доля молодежи в населении – так называемый «молодежный бугор»: темпы роста населения в 2000-х гг. составляли около 2% в год, а в 2010 г., непосредственно перед революцией, численность молодежи 20-24 лет достигла максимума в истории страны – 9 млн. человек (см.: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema07.php>). В Сирии и Йемене прирост населения был еще больше, чем в Египте – 3-4% в год (в Сирии дополнительным фактором помимо очень высокой рождаемости, был приток беженцев из Ирака), а значит, доля молодежи была еще выше, чем в Египте, что в условиях недостаточно развитой экономики и массовой безработицы не могло не «подлить масла в огонь» политических и межконфессиональных противоречий. Наличие огромной массы безработной, неустроенной, а значит, в значительной части – радикально настроенной молодежи, очевидно, было важным фактором кровавых гражданских войн в этих странах, что следовало бы подробнее прописать в работе.

3. Автор использует термин «арабизация» Ирана, говоря о распространении влияния арабской культуры после исламизации этой страны. Этот термин в целом представляется уместным и адекватным, однако нужно было уточнить, что Иран претерпел лишь частичную арабизацию, в отличие от Египта и Сирии, которые были полностью арабизированы и утратили родные языки и свою доисламскую культуру. Несмотря на огромное количество проникших арабских слов, иранские языки сохранили свою индоевропейскую основную лексику и грамматику, а иранская культура, хоть и приняла много арабских и исламских обычаев, всё-таки сохранила множество доисламских элементов: например, празднование Новруза и доисламские традиции вроде прыжков через костер и др., а иранские народы смогли сохранить свою национальную идентичность: ни один иранский народ не считает себя частью арабской нации.

4. Предложение «Последствия арабизации Ирана особенно заметно сказались после исламской революции 1979 г., которая породила в иранском социуме острые споры об арабизации и исламизации страны» на с. 92 представляется недостаточно ясным и нуждается в более чёткой формулировке или пояснении, что именно здесь имел в виду автор.

5. В работе недостаточно освещена роль Алжира как важного союзника Ирана среди арабских стран. Антииранские настроения в алжирском обществе, в отличие, например, от саудовского или ливанского, почти отсутствуют. Можно было бы отметить, что Алжир вплоть до падения Асада в 2024 г. смотрел на сирийский кризис точно также, как Россия и Иран – он тоже считал, что террористы борются против законного правительства, и помогал сирийской власти дипломатически и экономически, отказавшись вводить какие-либо санкции против Дамаска, в отличие от большинства арабских стран, которые сочувствовали и помогали оппозиционным группировкам. Также Алжир отказался признать Хезболлу террористической организацией, в отличие от аравийских монархий. Некоторые алжирцы даже добровольно воевали в Сирии на стороне Асада, руководствуясь идеями панарабизма и левого светского национализма.

6. Несмотря на обилие источников, в работе не использован такой важнейший источник по современной истории Сирии и арабо-иранских отношений, как передача катарского телеканала «Аль-Джазира» под названием «Противоположное направление», по-арабски «Аль-Иттиджях аль-Муакис». Эта передача имеет вид дебатов, в ходе которых два гостя отстаивают противоположное мнение. Там участвовало множество интеллектуалов, политиков и военных самых разных взглядов – сторонников и противников Башара Асада, сторонников и противников влияния Ирана в арабском мире, и так далее. Это – настоящий кладезь информации по социально-политическим процессам в арабском мире.

7. Это замечание связано с предыдущим. Представляется, что автор слишком оптимистично смотрит на перспективы отношения России с новыми

властями Сирии. Дело в том, что среди влиятельных журналистов, обслуживающих власть Ахмада аш-Шараа, есть много русофобов. Например, один из самых известных сирийских оппозиционных журналистов, Ахмед Касым. Он в 2021 г. участвовал в передаче «Противоположное направление», где оскорблял оппонента, российского переводчика-арабиста Евгения Сидорова, всячески ругал Россию и ее политику в Сирии, и защищал Запад (источник: <https://www.aljazeera.net/video/2021/4/21/-اجواء-الاتجاه-المعاكس-عودة-الحرب>). Ахмед Касым после падения Асада вернулся в Дамаск из Турции, где он скрывался во время гражданской войны, и постоянно выступает на государственных телеканалах. Активность таких русофобских журналистов, как он, может значительно ухудшить отношение сирийского народа к России и ее присутствию в Сирии, и на этот момент стоило бы обратить внимание в диссертационной работе, чтобы продумать возможные варианты противодействия такой антироссийской кампании в сирийских СМИ.

8. В работе недостаточно рассмотрены особенности взаимоотношений иранских милиционных шиитских формирований с суннитским большинством населения Сирии – удалось ли им наладить хорошие взаимоотношения или нет, и если нет, то почему это не получилось сделать.

Но представленные замечания никоим образом не снижают очень высокий уровень рассматриваемой диссертационной работы, а многие из них носят дискуссионный характер.

Диссертационное исследование Ахмедова Владимира Муртузовича в целом производит весьма положительное впечатление, демонстрируя основательный подход к изучению заявленной темы и глубину проработки материала. Заключительные положения работы отличаются научной новизной и не вызывают нареканий. По теме диссертации представлено 67 научных публикаций, 21 из которых – в рецензируемых научных периодических изданиях из перечня ВАК РФ. Основные положения и выводы работы легли в основу докладов и сообщений на 21 научной конференции, включая международные. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Представленное диссертационное исследование прошло проверку системой «Антиплагиат. Вуз».

Таким образом, диссертация Ахмедова Владимира Муртузовича «Взаимодействие арабских стран и Ирана в условиях трансформации международных отношений на Ближнем Востоке (конец XX – первая четверть XXI вв.)» соответствует паспорту научной специальности 5.6.7. «История международных отношений и внешней политики» и отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук, доцент,
декан факультета востоковедения и африканистики
Института евразийских и восточных исследований,
заведующий кафедрой современного Востока,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный
гуманитарный университет»

Филин Никита Александрович
17 сентября 2026 г.

Адрес: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6
Тел.: +7 (495) 250-71-14
E-mail: filin.na@rsuh.ru